

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH161157-184>

Магомедханов М.М.,
д.и.н., заведующий отделом этнографии,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия
mkhan@yandex.ru

Садовой А.Н.,
д.и.н., проф., заведующий лабораторией этносоциальных проблем,
Сочинский научный центр РАН, Сочи, Россия
sadvoy.a.n@gmail.com

Роберт Ченсинер,
почетный научный сотрудник, проф.,
Колледж Св. Антония, Оксфордский университет, Великобритания
chenciner@clara.net

Баканов А.В.
младший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия
mr.bakanov85@mail.ru

Гарунова С.М.,
младший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия
saida-mag@yandex.ru

«ЗЕЛЕНАЯ ДОРОГА» МОНЕТИЗАЦИИ ЭТНОТУРИЗМА: ДАГЕСТАН. ПРОЕКТ «АРЧИ»

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH161157-184>

Magomedhan M. Magomedhanov,
D.Sc. (in History), Prof., Head of Dept. of Ethnography,
The Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
mkhan@yandex.ru

Alexander N. Sadovoy,
D.Sc. (in History), Prof., Head of Dept. of Laboratory of Ethnosocial problems
Sochi Research Center of the RAS, Sochi, Russia
sadovoy.a.n@gmail.com

Robert Chenciner,
Honorary Researcher, Prof.,
St. Antony's College,
University of Oxford, United Kingdom
chenciner@clara.net

Alexander V. Bakanov,
Junior Researcher
The Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
mr.bakanov85@mail.ru

Saida M. Garunova,
Junior Researcher,
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
saida-mag@yandex.ru

THE “GREEN PATH” OF ETHNO-TOURISM’S MONETIZATION: DAGESTAN. THE ARCHI PROJECT

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные методологические и прикладные вопросы использования рекреационного потенциала горных этнокультурных ландшафтов для устойчивого развития горных территорий, пополнения семейных бюджетов и улучшения качества жизни горцев. В качестве методологического ориентира используется принцип системного подхода. Этнографический туризм рассматривается как фактор прямого и косвенного воздействия на традиционные системы жизнеобеспечения выборочных сельских анклавов. Выделены позитивные факторы социально-экономического развития, а также риски, связанные с ограничениями развития частного предпринимательства, с противоречиями и нарушениями нравственно-этических норм, этнокультурной деградацией сельских районов. Отмечено, что последствием административного решения проблемы земельной и демографической диспропорций между горными районами и равниной за счет масштабных переселений горцев на равнину более двухсот горных сел и хуторов явилось то, что большое количество террасных полей, садов, сельскохозяйственных угодий оказались заброшенными. Обращено внимание на то, что в последние полвека стабильность демографических показателей в Дагестане обеспечивается за счет сельских анклавов в равнинных районах. Дано определение «монетизации» этнографического туризма как формирование устойчивой системы коммуникаций между сельскими анклавами, их представительствами в городах, туристическими фирмами и экспертным сообществом. Обращено внимание на то, что развертыванию сети историко-культурных маршрутов и экологических троп на этнических территориях должны предшествовать полевые этнографические исследования. Отмечена важность информационного сопровождения этнографического туризма, согласования интересов органов сельского самоуправления, региональных органов власти, агробизнеса, местного населения. Эти положения и подходы к разработке и информационному обеспечению развития этнографического туризма в Дагестане проиллюстрированы на примере проекта малого туризма «Арчи».

Ключевые слова: горные экосистемы; этнографический туризм; Дагестан; Арчи; системы жизнеобеспечения; этнокультура природопользования.

Abstract. The article discusses relevant methodological and applied issues of using the recreational potential of mountain ethnocultural landscapes for the sustainable development of mountain areas, replenishing family budgets and improving the quality of life of mountaineers. As a methodological guideline, the principle of a systematic approach is used. Ethno-tourism is considered as a factor of direct and indirect impact on traditional life-support systems of selected rural enclaves.

Positive factors of socio-economic development, as well as risks associated with restrictions on the development of private business, with contradictions and violations of moral and ethical standards, and ethnocultural degradation of rural areas are highlighted. It is noted that the consequence of the administrative solution of the problem of land and demographic imbalances between mountain regions and the plain due to large-scale migrations of mountaineers to the plain of more than two hundred mountain villages and farms was that a large number of terraced fields, gardens, agricultural land were abandoned. Attention is drawn to the fact that over the past half century, the stability of demographic indicators in Dagestan is ensured by rural enclaves in the lowlands. The definition of "monetization" of ethnographic tourism is given as the formation of a sustainable communication system between rural enclaves, their representations in cities, travel agencies and the expert community. The fact that the deployment of a network of historical and cultural routes and ecological paths in ethnic territories should be preceded by field ethnographic studies is highlighted. The importance of information support of ethnographic tourism, coordination of interests of rural self-government bodies, regional authorities, agribusiness, and local population is noted. These provisions and approaches to the development and information management of the development of ethnographic tourism in Dagestan are illustrated by the example of a small touristic project "Archi".

Keywords: mountain ecosystems; ethnographic tourism; Dagestan; Archi; life-support systems; ethno-culture of nature management.

Введение

Возможность интеграции разных форм туризма (этнографического, экологического, сельского и т.п.) в традиционные экономические системы населения горных анклавов мира в среде профессиональных этнографов вызывает далеко неоднозначные оценки. Горные районы Российской Федерации, включая многонациональный Дагестан, не являются исключением. С одной стороны, в экспертном сообществе не вызывает споров положение, что для труднодоступных районов раскрытие рекреационного потенциала этнической территории объективно расширяет возможности формирования семейных бюджетов и повышения качества жизни сельского населения. Подразумевается, что «монетизация» традиционных форм хозяйственной деятельности, выступающей основой презентации традиционной культуры (для «нерезидентов»), не несет прямой угрозы традиционным формам социальной организации, устойчивости показателей естественного прироста, повышению показателей социальной мобильности подрастающих поколений. В определенной степени проявление этой тенденции содействует решению социальных проблем, обозначенных в послании Президента России В.В. Путина Федеральному собранию (от 15.10.2019 г.), через осознанное (целенаправленное) использование этнокультурного потенциала страны благодаря развитию внутреннего туризма¹. Значение рекреационного и туристического освоения сельских этнокультурных ландшафтов подчеркивается и в региональных целевых программах устойчивого развития территории. В качестве примера можно привести программу «Социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на 2016–2025 годы» и формируемую на ее основе программу «Социально-экономического развития Республики Дагестан до 2035 года».

С другой стороны, сохраняются риски, связанные с тем, что предлагаемые органами исполнительной власти социальные технологии и программы территориального развития многонациональных районов России далеко

---

1 Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства РФ от 31 мая 2014 г. № 941-р. URL: <http://government.ru/docs/12933/> (дата обращения: 20.01.2020); Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р. URL: <http://government.ru/docs/16757/> (дата обращения: 20.01.2020); О федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы)» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 3 марта 2012 г. N 186. URL: <http://base.garant.ru/70149760/> (дата обращения: 20.01.2020); О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 2 августа 2011 г. N 644. URL: <http://base.garant.ru/55171986/> (дата обращения: 20.01.2020); О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598. URL: <http://government.ru/media/files/41d47baf642258e68c1b.pdf> (дата обращения: 20.01.2020); О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2020 годы)» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).

не всегда учитывают этнокультурную специфику собственно сельских анклавов. За пределами внимания разработчиков многочисленных программ остается возможность того, что «туризм» в этой среде может объективно выступить фактором дестабилизации этносоциальной обстановки и формирования перманентных очагов межэтнической напряженности. Особенно в случае, если развертывание «рекреационных» секторов «сельской» экономики, определяющее интересы привлекаемых бизнес-структур, вступает в противоречие с этническими интересами, несет риски сохранения традиционных социальных институтов, системы традиционного природопользования и жизнеобеспечения. Эти риски резко возрастают в труднодоступных горных районах, где традиционная социальная организация и этническая (сельская) экономика напрямую определяются многовековой традицией регуляции социальных отношений на основе норм обычного права (*адаты*) и религиозного мировоззрения населения. «Традиционная среда» объективно сужает возможности развития частного предпринимательства «нерезидентов», особенно, в случаях, если оно входит во внутреннее противоречие с системой нравственно-этических норм, укрепляющих позиции права сельских общин, в Дагестане – *джамаатов*.

Ситуация осложняется и негативным опытом социальной инженерии, накопленным российским государством в течение XX столетия, когда многонациональное население России выступало «объектом» многочисленных социальных экспериментов. В первой половине столетия – апробации социальных технологий, направленных на формирование: институтов государственной власти на республиканском уровне и национальных автономий; социально однородного (бесклассового) общества и ликвидации на этой основе условий этнической и этносоциальной стратификации; «выравнивание» уровня социально-экономического и культурного развития «центра» и «национальных окраин». И не менее разрушительными процессами «возврата» к рыночной экономике конца XX столетия, когда выстраиваемые десятилетиями системы социальной стратификации и региональных экономических связей были одномоментно разрушены.

Наиболее ярким индикатором порочности этих «революционных преобразований» на территории Дагестана стала депопуляция горных районов. В результате решения проблемы земельной и демографической диспропорций между горными районами и равниной за счет масштабных переселений горцев на равнину более двухсот горных сел и хуторов, большое количество террасных полей, садов, сельскохозяйственных угодий оказались заброшенными. Тенденция депопуляции и снижение эффективности горной экономики сохраняется вплоть до настоящего времени: за постсоветский период с гор на равнину и в города переселилось в четыре раза больше горцев, чем за все советские годы (250 тыс. человек). Сегодня две трети трехмиллионного населения республики сосредоточено в прикаспийских районах и городах, в условиях исключительного этнического смешения и

роста конфликтного потенциала, а также крайне ограниченных возможностей сохранения языковой и этнокультурной идентичности. Стабильность демографических показателей в республике сохраняется за счет сельских анклавов в равнинных районах Дагестана, что также способствует не сохранению мест компактного расселения этносов, а дальнейшему смешению этнического состава населения республики [1; 2]. Одним из следствий выступает и рост уже экологических рисков. Из-за бедности и ощущения бесперспективности жизни местное население беспощадно вырубает леса, занимается браконьерством, что ведет к деградации экосистем, усиливает риск оползней, селей и катастрофических наводнений, опустошающих горные поселения, в конечном счете, к углублению проблемы социальной стратификации. Взаимообусловленность экономических, экологических и культурных проблем, отчетливо проявляющаяся в отдаленных и труднодоступных районах, диктует крайне взвешенный подход к выбору социальных технологий, направленных на их решение. Не вызывает сомнения, что в горных районах, с характерной для них этнической спецификой социальной организации и природопользования сотен сельских анклавов, это решение должно быть системным (комплексным). Это, с одной стороны, определяет серьезные ограничения для «развития» всех форм предпринимательства, направленных на раскрытие рекреационного потенциала территории (субъекта РФ) в целом. С другой стороны, перманентную корректировку проводимого курса на основе учета специфики каждого из населенных пунктов. В противном случае «успешное решение» проблем в одной сельской агломерации может инициировать дестабилизацию ситуации в другой. Таких примеров в мировой и отечественной практике достаточно много.

Методологические и историографические аспекты «монетизации этнотуризма»

Круг проблем, связанных как с информационным обеспечением туристических потоков в труднодоступных (горных) районах, так и снижением рисков дестабилизации экологической и этносоциальной обстановки вследствие возрастания антропогенной нагрузки, в значительной мере определяется установками в среде экспертного (научного) сообщества. С одной стороны, – на анализ латентных по природе современных экологических и этносоциальных процессов. С другой стороны, на поиски подходов научного прогнозирования средне- и долгосрочных последствий развития разных форм туризма в среде сельских анклавов.

На этом фоне прослеживается одна из наиболее существенных проблем уже не столько региональной, сколько отечественной историографии. Речь идет о крайне ограниченном числе работ, рассматривающих социально-экономические, этнические и экологические проблемы в их логической

взаимосвязи и взаимообусловленности, «привязанных» к конкретным географическим таксонам. В региональной историографии экономика сельских анклавов в районах с полиэтничным составом населения, как правило, не рассматривается в контексте перманентно возникающих проблем сохранения традиционных институтов на основе развития этнических форм предпринимательства в границах своей «этнической» или «родовой территории». «Этнический фактор» рассматривается, как правило, в социокультурном, а не экономическом и экологическом аспекте. При значительном числе работ последнего десятилетия, посвященных анализу этнической истории и традиционной культуре народов Дагестана в целом [3–9], за пределами внимания этнологов остаются процессы трансформации под воздействием национальной политики традиционных систем жизнеобеспечения не только конкретных этнических групп и сельских анклавов. В определенной степени информационные лакуны по современным этническим процессам обуславливаются как сменой научной парадигмы, так и проблемами «стыковки» систем экологического и этнологического мониторинга, развернутых в субъектах РФ [10; 11; 12]. С одной стороны, это формирует ситуацию, при которой научное обоснование проектов «этнографического туризма», хотя и опирается на разработанные в зарубежной историографии методики прикладной антропологии исследования традиционных систем жизнеобеспечения» [13; 14; 15], носят на уровне субъектов РФ четко выраженный пилотажный характер. Тенденции, выявленные на основе обследования «выборочных» полигонов, могут быть как репрезентативными для сопредельных сельских анклавов, так и не репрезентативными, отражая специфику этносоциальной и ландшафтной среды. Особенно это характерно для полиэтничных районов с четко выраженной вертикальной зональностью ландшафтов, такими как Дагестан. Выявление в этом случае «региональных» тенденций может быть осуществлено не на основе государственной статистики, а на основе комплексного обследования территории. В этом контексте осуществляемый при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований проект «Арчи» выступает одной из реализуемых на территории РФ попыток снятия среза этносоциальной и экологической обстановки по строго заданному маршруту с использованием уже апробированных в прикладной антропологии алгоритмов полевых исследований.

С другой стороны, формирование информационных лакун определяется прослеживаемым в экспертном сообществе (особенно в среде экономистов) осознанием факта, что туризм, как форма предпринимательства, может выступать фактором как стабилизации, так и дестабилизации этносоциальной обстановки. Грань между этими разновекторными тенденциями во многом определяется способностью институтов власти и сельского самоуправления оказать противодействие инициированным бизнес-структурами процессам коммодификации нематериального культурного наследия. Под последними

в современной историографии по экономике туризма подразумеваются процессы изменения национальной культуры в целом и отдельных ее элементов (за несколько десятилетий); формирование уникальных повседневных и традиционных культурных структур, связей, норм, ценностей, формирующих уникальность отдельных сообществ (от небольших поселений до крупных городов), закрепляющих принципы и нормы использования накопившегося опыта, которые зачастую участниками (членами) сообщества не воспринимаются как уникальные, а являются лишь сутью повседневной жизни общества. Подразумевается, что именно эти нормы, традиции и повседневные практики трансформируются и «переводятся» в форму туристского продукта, включаясь (вплетаясь) в ткань культурного туризма, конвертируются в объекты меновой стоимости, становясь товарами для туристского потребления [16; 17]. Как в немецкой, так и отечественной историографии технологии адаптации традиционной культуры рассматриваются в контексте концепции «фольклоризма» [18; 19].

Следует акцентировать внимание на то, что в тех случаях, когда процесс коммодификации инициируется органами власти в ходе реализации целевых программ развития этнических меньшинств, его можно рассматривать в качестве социальной технологии, направленной на придание максимально широкому спектру человеческой деятельности «денежной стоимости», а традиционной культуре – формы «товара», покупаемого и продаваемого на рынке региональных услуг. Этносоциальные последствия этого курса, как правило, повсеместно (по миру) не являются объектом научного прогнозирования. Проблема заключается в том, что при этносоциальных аспектах анализа (с позиции объекта национальной политики) в качестве инициированного коммодификацией этнического процесса выступает фэйклоризация. Под последней понимается намеренное в погоне за прибылью или спонтанное в силу дилетантизма искажение аутентичного историко-культурного наследия. По мнению современных исследователей, в условиях либерализации экономических условий ведения бизнеса этот процесс уже проявляется в растущих креативных индустриях, в частности в этнотуризме [20, с. 69–76].

Проявляющиеся в отечественной историографии тенденции определили, что в ходе проводимого исследования использовались принципы системного анализа. Объектом исследования выступали система и культура жизнеобеспечения семи (выборочных) сельских анклавов арчинцев. В предметную группу вошла система как внутри-, так и межэтнических коммуникаций, что позволило оценивать перспективы развития этнотуризма и обусловленной им «монетизации» экономических связей в среде этой группы в качестве фактора воздействия на традиционный уклад жизни. В ходе исследования выдерживался принцип иерархической соподчиненности социальных связей. Перспективы развития туризма в локальных сельских сообществах рассматривались в контексте современных социальных процессов

регионального уровня и накопленного зарубежного и отечественного опыта нейтрализации этносоциальных и экологических последствий проводимого федеральным центром курса национальной и экологической политики.

Этнотуризм сельских анклавов в контексте региональных социальных процессов (на примере Республики Дагестан)

Согласно мировому и отечественному опыту, реализация проектов социально-экономического и культурного развития локальных групп населения (любого уровня) должна рассматриваться в контексте региональных процессов. Только в этом случае может осуществляться «разведение» государственных, региональных и собственно этнических интересов; проводится оценка реакции населения на проводимый курс политики.

Результаты полевого сезона 2019 г. показали, что деструктивные экологические, экономические и широкий спектр этнических процессов на территории Республики Дагестан, как и других субъектов РФ, проявляются на фоне недоверия между институтами государства, которые призваны помочь развитию горной экономики, с одной стороны, этническими предприятиями и «крестьянско-фермерскими» хозяйствами, локализованными в горной местности; – с другой. Проблема заключается в том, что государственная стратегия, направленная на развитие сельскохозяйственных потребительских кооперативов на базе кооперации крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйств, оказалась невостребованной на уровне сельских анклавов [21]. На наш взгляд, одной из существенных причин сложившейся этносоциальной ситуации выступает то, что «революционные» преобразования конца 1990-х годов, направленные на изменение института собственности и организации сельскохозяйственного производства, как и в начале XX столетия, были ориентированы на навязывание сельским анклавам тех моделей природопользования, которые входили в противоречие с многовековой традицией, ориентированной на крайне бережное отношение к группе возобновляемых природных ресурсов. Традиционные социальные регуляторы рассматривались как архаичные и попросту игнорировались [22; 23].

В то же время следует учитывать, что ландшафтное, этническое и культурное разнообразие Дагестана определяет ситуацию, для которой характерно отсутствие однозначных решений проблемы «бедности» горных анклавов исключительно через интеграцию инновационных форм частного предпринимательства в сфере туризма в их систему жизнеобеспечения. Представляется, что в этом районе наиболее приемлем опыт интеграции автохтонного населения горных районов Аляски (США, Канады), согласно которому объектом национальной и экологической политики выступают сельские анклавы (деревенские корпорации). За последними федеральным

центром (а не штатом) признается «суверенное право» самостоятельно определять формы местного самоуправления регуляции природопользования на этнической территории, регуляции туристического потока, определения стоимости услуг [24, с. 78–99]. Сильной стороной этой социальной технологии выступает, с одной стороны, признание со стороны государства необходимости сохранения традиционных социальных институтов и норм социальной регуляции во всех сферах жизни, при ограничении возможности прямого воздействия региональных органов власти на вмешательство в повседневную жизнь этнических меньшинств. С другой стороны, определение в качестве основного объекта для привлечения туристического потока (на сезонной основе) не «этнической специфики», а систем и культуры традиционного жизнеобеспечения, что позволяет актуализировать тезис о том, что население всех горных экосистем мира является носителем важнейшей для человечества информации о механизме коллективного выживания в экстремальных природных условиях. Этот опыт можно проследить по системе расселения, структуре поселения и типах жилищ, системам земледелия и формам скотоводства, структуре стада, традиционной одежде и питанию. Каждый из этих элементов культуры жизнеобеспечения формирует систему выживания. Именно социальным отношениям, позволяющим соблюдать баланс между каждым из элементов системы, умению комбинировать эти элементы, необходимо учиться. При этом не вмешиваясь в повседневную жизнь горцев.

«Монетизация» этнографического туризма в этом контексте подразумевает формирование устойчивой системы коммуникаций между сельскими анклавами, их представительствами в городах, туристическими фирмами и экспертным сообществом, оказывающим информационную поддержку формируемым программам раскрытия рекреационного потенциала деревень. Индикатором выступает наличие устойчивых источников формирования семейных бюджетов жителей, наличие рынка сбыта сельскохозяйственной продукции и продукции промыслов непосредственно в горных аулах, отсутствие «конфликтных точек» на уровне повседневного общения жителей аулов и посетителей. Последний фактор достаточно часто игнорируется, в то время как показывает отечественный и международный опыт, излишне активная деятельность туроператоров и нарастание туристической активности в отдаленных сельских анклавах, по истечению определенного времени, может дестабилизировать этносоциальную обстановку, а посетители (туристы) – вызывать отторжение. Определяется это тем, что навязываемая (туроператорами) необходимость «презентации» традиционной культуры объективно способствует ее трансформации в такое социокультурное явление, как «фольклоризм». Явление, ярко проявившееся в Альпийском экорегионе, не способствующее сохранению сакрального содержания культуры и традиционных социальных регуляторов и имеющее латентную форму в горных экосистемах Кавказа, включая территорию Республики Дагестан

Следует особо акцентировать внимание на то, что при этом подходе

развитие этнотуризма во всех его формах не является проявлением процесса коммодификации нематериального культурного наследия. Связано это с тем, что перманентный процесс адаптации этнических форм предпринимательства, традиционных социальных институтов и культуры к динамично меняющемуся миру происходит и при полном отсутствии туристической отрасли. Так, вплоть до второй половины XX столетия в историографии не было попыток трактовки паломничества в качестве проявления феномена «туризма». Система межэтнических контактов никогда не прерывалась, даже в годы войн и пандемий. В современной отечественной этнологии считаются методически некорректными подходы к анализу этнокультурных процессов, согласно которым нормы, традиции и повседневные практики этнических меньшинств трансформируются и «переводятся» в форму туристского продукта, включаясь (вплетаясь) в ткань культурного туризма, конвертируются в объекты меновой стоимости, становясь товарами для туристского потребления. Представляется, что только на основе правовой гарантии сельским анклавам оказывать прямое воздействие на регулирование туристических потоков удастся решить и одну из острейших проблем современной культуры – проблему мифотворчества в среде туристов, как людей, получивших возможность кратковременного «погружения» в чуждую для них культурную среду, но не имеющих достаточных знаний для познания ее ценности. Как прослеживается по сети Интернет, мифотворчество уже выступает в качестве перманентного этнического (этнокультурного) процесса, инициирующего формирование «ложного образа» народа, формирование культуры которого было детерминировано в равной степени как социальной, так природной средой. Средой, на разных этапах этнической истории как благоприятной, так и откровенно враждебной. Процесс этот может прослеживаться на всех уровнях. На международном – при формировании «образа» страны и населяющих ее народов. На межрегиональном и региональном – при «отражении» истории межэтнических коммуникаций. На местном – как следствие процессов этнической и этносоциальной стратификации. Одним из несомненных достижений культуры народов Дагестана является то, что эта форма проявления этнокультурных процессов не выступает перманентным источником дестабилизации межэтнических отношений, что характерно для ряда государств на постсоветском пространстве.

***Проект «Арчи» в контексте концепции
«зеленой дороги» монетизации сельской экономики»***

В концепт «зеленой дороги» для инициирования социальных процессов в сельской среде заложено два основных принципа. С одной стороны, это придание приоритета тем формам экономики, которые развиваются в среде сельского населения и являются проявлением традиционной хозяйственной

специализации конкретной этнической группы. С другой, «экологизация» сельской экономики – выбор тех ее форм, которые опираются на возобновляемые природные ресурсы и не несут угрозу не только историко-культурному, но и природному наследию.

Вышеизложенное и определяет ситуацию, при которой уже на начальном этапе формирования на территориях традиционного природопользования этнических меньшинств единой сети историко-культурных маршрутов и экологических троп предусматриваются полевые этнографические исследования, к которым привлекается местное население. А в ходе реализации этих локальных (по форме и содержанию) проектов, включая информационное сопровождение со стороны профессионалов, также необходима процедура согласования интересов органов сельского самоуправления, региональных органов власти, агробизнеса, местного населения. В России и, в частности, в Дагестане уже накоплен опыт методического обеспечения разработки проектов социально-экономического развития горных территорий этносов, сохранивших традиционные системы жизнеобеспечения, которые можно использовать [25].

Проиллюстрируем апробированные в Дагестане подходы формирования концепта «зеленой дороги» монетизации агротуризма на примере реализованного в 2018–2019 гг. проекта «Арчи».

Арчи (Арша – название населенного пункта и народа) – эта устойчивая система этнотерриториальных связей, объединяющая население семи самоуправляемых селений: Арчи, Кашилла. Кала, Лхатга, Алшуна, Кубатль, Кесер, Хилих. Все села арчинцев расположены в пойме реки Хатар, которая берет свое начало от ледниковой горы Таклик и горы Бедеку. Река Хатар является одним из основных источников реки Кара-Койсу, которая вместе с реками Казикумухское, Аварское, Андийское Койсу образует реку Сулак, которая, в свою очередь, впадает в Каспийское море.

Селения арчинцев окружены горными вершинами, три из которых превышают отметку 4000 м над уровнем моря (Дюльтыдаг – 4127 м, Бишиной – 4106 м, Таклик – 4046 м и два почти по 4000 м: Бедеку – 3997 м, Ятмехера – 3963 м).

Здесь следует отметить, что системообразующим элементом объединения выступает не только административный центр – Арчи, но и, что не менее важно, находящиеся в этом же населенном пункте и единственные на все семь селений сакральные объекты – кладбище и джума-мечеть.

Третьим по счету, но не по значению, сакральным объектом выступает вершина г. Бедеку.

Арчи – типичный горный анклав, этническая территория которого определяется ландшафтным окружением.

Традиционно арчинцы воспринимают свою Малую Родину как начало и конечный пункт назначения планеты Земля: по прямой дальше Арчи дорог нет: анклав огражден от Азербайджана всей мощью Главного Кавказского

хребта, доступного только альпинистам (г. Таклик).

Здесь, как и во многих горных анклавах, ландшафтное окружение определяет ситуацию, при которой этническая территория и территория традиционного (многовекового) природопользования и жизнеобеспечения имеет единые границы. Этот фактор необходимо учитывать при развертывании сети экологических троп и туристических маршрутов за границами поселков. Необходимо ориентировать туристов (со стороны туристических операторов) на то, что в этом районе нет «дикой природы» и условий для любых форм бесконтрольного (со стороны органов сельского самоуправления) природопользования.

Встречающиеся здесь дагестанский тур (горный козел, разновидность муфлона), серна, волк, лиса, заяц, кавказский улар, куропатка лучше рассматривать в качестве объекта охоты. А пятнистую ручьевую форель (притоки р. Хатар) рассматривать исключительно как объект спортивной ловли.

Ландшафты природных долин и биоразнообразие дают возможность развернуть сеть экологических троп, позволяющих осветить влияние вертикальной зональности ландшафтов на сложившуюся у арчинцев систему природопользования.

Системообразующими отраслями традиционной экономики выступают отгонное скотоводство с доминированием подвижных видов (овца) и богарное земледелие. Для зимы характерно стойловое (в долинных комплексах) содержание скота. В традиционных жилищах крупный рогатый скот, ишаки и лошади содержались на первом этаже, овцы – на втором. На третьем располагались жилые комнаты или помещения для хранения кормов. Летом скот, кроме дойных коров и телят, отгонялся на альпийские пастбища.

Пашенные участки располагались как на прилегающих к селению, так и на пологих участках долин рек. Традиционными культурами были: ячмень, полба и пшеница, что определяло (вместе с мясомолочными продуктами и продукцией промыслов) традиционную кухню арчинцев. Традиционно огородно-бахчевые культуры не выращивались, а в ограниченных объемах закупались у заезжих торговцев.

Структура традиционного природопользования определяет, что узловыми точками при проложении экологических троп и историко-культурных маршрутов выступают населенные пункты (локализация, тип, сакральные объекты, традиционные жилища) и сезонные постройки (в местах летнего выпаса и охоты), а не археологические объекты и памятники архитектуры ранних эпох. Связано это с тем, что уровень изученности историко-культурных объектов в этом отдаленном районе низкий. Археологические памятники (могильники) и содержащиеся в них артефакты (керамика, каменные плиты с солярными знаками) датируются эпохой ранней бронзы (III–II тыс. до н.э.). Этнографические материалы свидетельствуют о пережитках язычества, возможном влиянии на традиционную культуру раннего христианства.

Наибольшее влияние на традиционную культуру оказывает мусульманство: ислам арчинцы приняли не позднее XIII в.

С этого времени общественная жизнь сел сосредоточивалась возле мечетей (в Арчи их было шесть). Для традиционных селений арчинцев характерна исключительно высокая плотность застройки. Дома, в которых проживали многопоколенные и многодетные семьи, одно-, двух- и многоэтажные, с хозяйственными помещениями и хлевом в одном комплексе. Как правило, все строения – каменные с плоскими крышами.

Традиционные жилища арчинцев, однозначно, достойны быть объектом показа. В них сконцентрирован многовековой опыт не только адаптации хозяйственного комплекса к горным условиям и традиционного быта многопоколенных семей, но и повседневная жизнь горского селения, регулируемая нормами обычного права (адатами).

Так, выразительным примером сельской системы коммуникаций, имеющих многовековую историю, выступает фамильный дом Магомедхановых, расположенный в центре села Арчи. Этажей у этого дома, расположенного на довольно крутом горном склоне, пять, а выходов на улицы – три. Первые два этажа, нижний из которых состоит из хлева для крупного рогатого скота, и верхний – из хлева для овец, имеют отдельные выходы на нижнюю улицу. Третий этаж состоит из двух больших смежных комнат, расположенных на одном уровне и под одной крышей. Крыша – плоская, глинобитная – сделана из деревянных балок с перекрытиями из каменных плиточек. Ее периодически, особенно после дождя и снега, подсыпают глиной и уплотняют деревянным катком. Над крышей нет строений, и она служит своего рода двором для жильцов и третьего, и четвертого, и пятого этажей. Из упомянутых двух больших комнат первая расположена над хлевом для овец. Между данным хлевом и комнатой над ней имеется открывающийся/закрывающийся проход по лестнице, предназначенной как для удобства перемещения внутри усадьбы, так и для самообороны: в случае опасности за считанные минуты с нижней улицы села через хлев для овец, третий, четвертый этажи можно было попасть в верхнюю часть села и наоборот. Два окна первой из комнат обращены на нижнюю улицу. Вторая комната стоит на каменной породе склона, и единственное окно в ней устроено на крыше. Интерес представляет, что именно в этой комнате до и после присоединения Дагестана к России, вплоть до революции 1917 г., располагался сельский суд Арчи. Во второй комнате (с окном на крыше) есть лестница, которая ведет в небольшой Г-образный крытый дворик шириной 3 и длиной 12 метров. В северной части дворика имеется небольшая (3x4 м) зимняя комната, а с южной стороны – низкая массивная дверь с крепкими металлическими затворками, ведущая в средневековую темницу – абсолютно темное, выдолбленное в скальной породе помещение высотой в человеческий рост и длиной 3 метра. Эти два помещения и составляют четвертый этаж. Из упомянутого крытого

дворика имеется два выхода: первый по правой (северной) стороне дворика, через арочные деревянные ворота в переулок, соединяющий верхнюю и нижнюю улицы села. У выхода из арочных ворот имеется квартальный годекан. Второй же выход – с центра двора прямо вверх по лестнице, через лаз с закрывающейся/открывающейся дверью на лестничную площадку и пятый этаж. Последний состоит из парадной и кунацкой (гостевых) комнат, расположенных над двориком и помещениями 4-го этажа, и двух больших жилых комнат, построенных на каменном скальном фундаменте. Четко выраженная функциональность фамильного дома Магомедхановых создает прекрасную возможность презентации традиционного жилищного строительства, форм традиционной экономики и предпринимательства, системы управления (самоуправления) и судопроизводства, воздействия на повседневную жизнь политики российского государства и т.д. Туристические туры легко можно приурочить к сохраняющимся обрядам хозяйственного цикла. Так, на 15-й день лета (5 июля) отмечают праздник отгона овец на летние пастбища, сопровождающийся спортивными состязаниями, борьбой, поднятием тяжестей, совместной трапезой (главное блюдо – свежеприготовленный овечий сыр). Осенью, в конце октября, устраивается праздник, связанный с улучшением пород скота. При этом дети ходят по домам с песнями, в которых желают увеличения поголовья овец, их веса и т.п. Весной празднуют день выхода плуга, или первой борозды. Зрелищно, с разжиганием костров, отмечается и праздник весеннего равноденствия. В случае засухи проводится обряд вызывания дождя с ритуальным шествием по селу ряженного с ног до головы в траву мужчины «*Хьелмин доги*» («дождевой осел»).

Сохранение традиционных жилищ формирует условия для развертывания поселковых и «родовых» музеев, замкнутых в одну сеть историко-культурного маршрута. С одной стороны, связано это с тем, что для населения горных селений Дагестана характерно крайне бережное отношение к традиционной одежде и утвари. Это позволяет с минимальными затратами формировать экспозиции, посвященные традиционным формам хозяйственной деятельности. В них можно включить продукцию местных промыслов – традиционные сельскохозяйственные орудия: деревянный плуг (рало) с железным лемехом, серпы, молотильные доски, деревянные лопаты, традиционный тип ульев (плетеные каркасы, обмазанные глиной), оружие, посуду. Из «женских» домашних промыслов и ремесел – продукцию ткачества из шерсти: домотканого сукна «*сугьур*»; толстые тканые шерстяные изделия многоцелевого назначения (подстилки на пол, покрывала, одеяла) «*батлу*» на плотной основе и с ворсом из длинных кучерявых прядей шерсти овец местных (курдючных) пород; паласы с орнаментированными цветными полосами, хозяйственные и переметные сумки (*хурджины*), кузнечные и скорняжные изделия и т.д.

Результаты полевых исследований показывают, что в горных поселках во

многим сохраняются возможности для восстановления ремесел, в которых производственный цикл определяет гендерную занятость населения. Например, женщины шили войлочную обувь, мужскую и женскую одежду, а овчинные шубы и кожаную обувь изготавливали только мужчины. Кузнецами, лудильщиками, каменщиками, плотниками являлись исключительно мужчины.

В селениях отчасти сохранена традиция трехгранно-выемчатой резьбы по дереву; наиболее распространены солярные мотивы, а также геометрические, реже растительные узоры. Резьбой украшалась деревянная утварь, посуда: деревянные сундуки, лари, люльки, кружки, мерки, поставцы, ложки, вилки и др. В этой связи, если ставить вопрос о монетизации традиционной экономики, то следует отметить, что продукция промыслов может быть адаптирована к потребностям не только туристов (в качестве сувениров), но и, как принято в мире, для оформления интерьеров «национальных» ресторанов, кафе, гостиниц, торговых рядов, частных домовладений и т.д.

Как показывают полевые материалы по духовной культуре арчинцев, несколько историко-культурных маршрутов можно сформировать в контексте концепции «паломнического» туризма. В этом районе Дагестана ярко прослеживается наследие арабо-мусульманской культуры. Не случайно в пределах современных Лакского, Кулинского, Агульского, Закатальского, Белоканского районов найдется мало селений, в которых когда-либо не работал бы муллой, кадием, преподавателем медресе кто-то из арчинцев. Среди арчинцев были видные ученые-алимы и, что феноменально для такого малочисленного народа, – три шейха. Казакилав (XVIII в.) – астроном, математик, врач, автор ряда книг и поэтических произведений на арабском языке. Харда (XVIII – начало XIX в.) – автор книг «Эликсир от мук», «Ожерелье из морских жемчужин», «Попутчику о логике» и др. Мамма-Дибир (XIX в.) – муршид, преемник суфийского шейха Джамалутдина Казикумухского, сподвижник Имама Шамиля. В Арчи учились будущие шейхи накшбандийского тариката Абдурахман Согратлинский (у Харда), Шуайб аль-Багини, Сайфулакади Башларов (оба у Мамма-Дибера).

Заключение

В ходе реализации проекта «Использование этнокультурных традиций в стратегии социально-экономического и экологического развития горных территорий Дагестана», (РФФИ 190-9-00490 а) на примере одной из этнотерриториальных общин горных районов Дагестана в основном отработана модель «монетизации» этнической экономики горных населенных пунктов.

На начальном этапе проекта в ходе полевых этнографических исследований было дано научное описание объектов природного и историко-культурного наследия, на основе синтеза полученных экспертных оценок был определен спектр этнических интересов, система коммуникаций, объединяющая органы

сельского самоуправления, региональные органы власти, предприятия агробизнеса, местного населения. На основе описания объектов историко-культурного наследия, сохраняющихся традиций, форм этнического предпринимательства была сформирована модель информационного обеспечения десятидневного тура по маршруту: Махачкала – н.п. Верхний Гуниб – н.п. Арчи – Махачкала с точками показа – «Сулакский каньон», «водопад Сальта», а также радиальные (включая конные) маршруты в села Хилих, Кесер, Хитаб. Кубатль, к подножью горы Таклик.

Выделены позитивные факторы социально-экономического развития, а также риски, связанные с ограничениями развития частного предпринимательства, с противоречиями и нарушениями нравственно-этических норм, этнокультурной деградацией сельских районов.

Отмечено, что последствием административного решения проблемы земельной и демографической диспропорций между горными районами и равниной за счет масштабных переселений горцев на равнину более двухсот горных сел и хуторов стало то, что большое количество террасных полей, садов, сельскохозяйственных угодий оказалось заброшенным. Обращено внимание на то, что в последние полвека стабильность демографических показателей в Дагестане обеспечивается за счет сельских анклавов в равнинных районах. Дано определение «монетизации» этнографического туризма как формирования устойчивой системы коммуникаций между сельскими анклавами, их представительствами в городах, туристическими фирмами и экспертным сообществом. Обращено внимание на то, что развертыванию сети историко-культурных маршрутов и экологических троп.

На следующем этапе планируется продолжение разработки концепции развития этнографического и экологического туризма в горных экосистемах Дагестана, ориентированных на сохранение традиционной системы и культуры жизнеобеспечения сельских анклавов, стабилизацию этносоциальной обстановки и достижения уровня устойчивого развития.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта РФФИ 190-9-00490 а «Использование этнокультурных традиций в стратегии социально-экономического и экологического развития горных территорий Дагестана».

Acknowledgment. The publication was prepared within the framework of a research project № 190-9-00490 “The use of ethnocultural traditions in the strategy of socio-economic and environmental development of the mountain areas of Dagestan” supported by the Russian Foundation for Basic Research.

Рис. 1. Вид на село Алшуна. Фото Магомедханова М.М., 2019 г.

Fig. 1. View of Alshun village. Photo by Magomedkhanov M.M., 2019

Рис. 2. Гора Бедеку. Фото Магомедханова М.М., 2019 г.

Fig. 2. Mount Bedeku. Photo by Magomedkhanov M.M., 2019

Рис. 3. Место слияния речек Биди и Кала с рекой Хатар у села Арчи.
Фото Магомедханова М.М., 2019 г.

Fig. 3. The confluence of the Bidi and Kala rivers with the Khatar River near the village of Archi.
Photo by Magomedkhanov M.M., 2019

Рис. 4. Верховья реки Хатар. Фото Магомедханова М.М., 2019 г.

Fig. 4. The upper reaches of the Khatar River. Photo by Magomedkhanov M.M., 2019

Рис. 5. Вид на гору Таклик. Фото Магомедханова М.М., 2019 г.

Fig. 5. View of Mount Taklik. Photo by Magomedkhanov M.M., 2019

Рис. 6. Река Ятхемера и каньон у села Кубатль. Фото Магомедханова М.М., 2019 г.

Fig. 6. The Yatkhemera River and the canyon near the village of Kubatl.
Photo by Magomedkhanov M.M., 2019

Рис. 7. На летних пастбищах у подножья горы Таклик. Фото Магомедханова М.М., 2019 г.

Fig. 7. On summer pastures at the foot of Mount Taklik. Photo by Magomedkhanov M.M., 2019

Рис. 8. Вяленые бараньи бока, курдюки. Фото Магомедханова М.М., 2019 г.

Fig. 8. Sun-dried mutton sides, back fat (*kurduk*). Photo by Magomedkhanov M.M., 2019

Рис. 9. Свежеизготовленная колбаса *гурккимей*. Фото Магомедханова М.М., 2019 г.

Fig. 9. Freshly made *gurkkimey* sausage. Photo by Magomedkhanov M.M., 2019

Рис. 10. *Хватлу* - блюдо из толокна.
Быстро и сытно.
Фото Магомедханова М.М.,
2019 г.

Fig. 10. *Hvati* – a dish of oat flour.
Fast and nourishing food.
Photo by Magomedkhanov M.M.,
2019

Рис. 11.
Фольклорный ансамбль
«Бедеку».
Фото Магомедханова
М.М., 2019 г.

Fig. 11. The folk ensemble
“Bedeku”. Photo by
Magomedkhanov M.M.,
2019

Рис. 12 . Верхний квартал сел. Хилих. Фото М.М. Магомедханова, 2019 г.

Fig. 12. The upper quarter of Hilih village. Photo by Magomedkhanov M.M., 2019

Рис. 13. Цветы в горах. Фото Магомедханова М.М., 2019 г. 2019 г.

Fig. 13. Flowers in the mountains. Photo by Magomedkhanov M.M., 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. *Ибрагимов М.-Р.А., Магомедханов М.М.* Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. №1. С. 247–259.

2. *Chenciner R., Magomedkhanov M.* Ethno-Cultural Consequences of the Mass Migration of Highlanders of Dagestan to Plains // Proceedings of V International Congress of Caucasologists. Tbilisi, 2019. P. 301–302.

3. *Сирченко А.А.* Роль этнокультурного фактора в развитии въездного и внутреннего туризма в Российской Федерации // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2012. № 3. С. 11–16.

4. *Чистова М.В., Дранникова Е.А., Абидова С.А., Нарожная Г.А.* Этнографический туризм на Северном Кавказе: тенденции развития и перспективы включения в макрорегиональный туристско-рекреационный кластер // Вестник СевКавГТИ. 2015. № 3 (22). С. 84–91.

5. *Адамова Р.А.* Этнический гастрономический туризм как одно из перспективных направлений развития туризма в Республике Дагестан // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2016. № 2. С. 23–27.

6. *Газалиева Н.И., Далгатова А.О.* Современные направления развития этнотуризма в Республике Дагестан // Экономика и предпринимательство. 2017. № 51 (82). С. 294–296.

7. *Газимагомедов Г.Г.* Роль народных художественных промыслов Дагестана в закреплении и расширении туристско-экскурсионных маршрутов // Юг России: экология, развитие. 2017. Т. 12. № 1. С. 161–175.

8. *Пуртова Т.В.* Актуализация традиционной народной культуры и развитие программ этнотуризма в российской федерации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 10–16.

9. *Курбанова А.М.* Перспективы развития этнотуризма в республике Дагестан // Евразийское Научное Объединение. 2019.

1. *Ibragimov M–RA., Magomedkhanov MM.* Ethno-demographic aspects of the formation of the urban population of Dagestan (second half of the XIX – early XXI centuries) [Etnodemograficheskiye aspekty formirovaniya gorodskogo naseleniya Dagestana (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.) *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2009. № 1: 247–259.

2. *Chenciner R., Magomedkhanov M.* Ethno-Cultural Consequences of the Mass Migration of Highlanders of Dagestan to Plains *Proceedings of V International Congress of Caucasologists.* Tbilisi, 2019: 301–302.

3. *Sirchenko AA.* The role of ethnocultural factor in the development of inbound and domestic tourism in the Russian Federation [Rol' etnokul'turnogo faktora v razvitii v"yezdnoy i vnutrennego turizma v Rossiyskoy Federatsii] *Universities for Tourism and Service Association Bulletin.* 2012. № 3: 11–16.

4. *Chistova MV., Drannikova EA., Abidova SA., Narozhnaya GA.* Ethnographic tourism in the North Caucasus: development trends and prospects for inclusion in the macro-regional tourist and recreational cluster [Etnograficheskiy turizm na Severnom Kavkaze: tendentsii razvitiya i perspektivy vklyucheniya v makroregional'nyy turistsko-rekreatsionnyy klaster] *Bulletin of SevKavGTI [Vestnik SevKavGTI].* 2015. № 3 (22): 84–91.

5. *Adamova RA.* Ethnic gastronomic tourism as one of the promising directions of tourism development in the Republic of Dagestan [Etnicheskiy gastronomicheskiy turizm kak jedno iz perspektivnykh napravleniy razvitiya turizma v Respublike Dagestan *UEPS: management, economics, politics, sociology [UEPS: upravleniye, ekonomika, politika, sotsiologiya].* 2016. № 2: 23–27.

6. *Gazaliev NI., Dalgatova AO.* Modern trends in the development of ethno-tourism in the Republic of Dagestan [Sovremennyye napravleniya razvitiya etnoturizma v Respublike Dagestan. *Economics and Entrepreneurship.* 2017. № 51 (82): 294–296.

7. *Gazimagomedov GG.* The role of folk art-crafts of Dagestan in consolidation and expansion of touristic and excursion routes [Rol' narodnykh khudozhestvennykh promyslov

№ 3–5 (49). С. 352–355.

10. Новикова Н.И. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1. Казань. 2010. С. 76–80.

11. Ямсков А.Н. Этно-экологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу / под ред. С. В. Чешко. – М.: Оргсервис. 2000, 2006. С. 10–63.

12. Садовой А.Н. К закону об этнологической экспертизе в Российской Федерации // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 2 (42). С. 6–23.

13. Садовой А.Н., Пруель Н.А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. Научно-методический комплекс. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – 168 с.

14. Методы этнологической экспертизы / под ред. В.В. Степанова. М.: Изд-во ИАЭ РАН, 1999. – 207 с.

15. Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозерова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: ООО «Практика», 2014. – 358 с.

16. Rodzi N.I., Zaki S.A., Subli S.M. Between Tourism and Intangible Cultural Heritage // Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 85. PP. 411–420;

17. Карпова Г.А., Хорева Л.В. Коммодификация нематериального культурного наследия в системе услуг культурного туризма // Сервис в России и за рубежом. Теоретические аспекты экономики и социологии. Сетевой научный журнал. 2016. Т. 10. № 9 (70). С. 6–14.

18. Куринских П.А. Проблемы фольклоризма в зарубежной историографии // Научный диалог. №2 (50). С. 250–260.

19. Куринских П.А. Методологические подходы в исследовании фольклоризма в зарубежной и отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. № 403. С. 79–81.

20. Шалагина Г.Э. Фейкlorизация в этническом туризме: риски и альтернативы

Dagestana v zakreplenii i rasshirenii turistsko-ekskursionnykh marshrutov] *South of Russia: ecology, development*. 2017. Vol. 12. № 1: 161–175.

8. Purtova TV. The actualization of traditional folk culture and the development of ethno-tourism programs in the Russian Federation [Aktualizatsiya traditsionnoy narodnoy kul'tury i razvitiye programm etnoturizma v rossiyskoy federatsii] *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2017. № 1 (75): 10–16.

9. Kurbanova AM. Prospects for the development of ethno-tourism in the Republic of Dagestan [Perspektivy razvitiya etnoturizma v respublike Dagestan] *Eurasian Scientific Association*. 2019. № 3–5 (49): 352–355.

10. Novikova NI. Ethnological expertise: at the crossroads of history, ethnology and legal anthropology [Etnologicheskaya ekspertiza: na perekrestke istorii, etnologii i yuridicheskoy antropologii] *Integration of archaeological and ethnographic research: a collection of scientific papers. Part 1*. Kazan. 2010: 76–80.

11. Yamskov AN. Ethno-Ecological Expertise in International Organizations [Etno-ekologicheskiye ekspertizy v mezhdunarodnykh organizatsiyakh // Etnologiya obshchestvu] *Ethnology for Society* / Ed. S.V. Cheshko. Moscow: Orgservis. 2000, 2006: 10–63.

12. Sadovoy AN. On the law on ethnological expertise in the Russian Federation [K zakonu ob etnologicheskoy ekspertize v Rossiyskoy Federatsii] *Historical and cultural problems of northern countries and regions*. 2018. № 2 (42): 6–23.

13. Sadovoy AN., Pruel NA. *Ethno-social monitoring: principles, methods, practice. Scientific and methodological complex [Etnosotsial'nyy monitoring: printsipy, metody, praktika. Nauchno-metodicheskiy kompleks]*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1996.

14. *Methods of Ethnological Expertise [Metody etnologicheskoy ekspertizy]* / Ed. V.V. Stepanova. Moscow: Publishing House of the IAE RAS, 1999.

15. Poddubikov VV., Sadovoy AN., Belozerova MV. *Examination and monitoring of traditional forms of environmental management of indigenous minorities: methods of applied ethnology [Ekspertiza i monitoring traditsionnykh form prirodo-pol'zovaniya korennykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoy*

// Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. Общественные науки. 2019. Т. 34. Вып. 3. С. 69–76.

21. Khalidov D. Culture and Mountain Economy of Dagestan: The Growth of Conflict Potential and the problem of the Adequacy of Public Policy // Д Proceedings of V International Congress of Caucasologists // Tbilisi, 2019, PP.352–353.

22. Магомедханов М.М., Рамазанова З.Б. Трансформация традиций землепользования в Нагорном Дагестане: исторический опыт и социально-экономический эффект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 12 (74). С. 56–62.

23. Садовой А.Н., Белозерова М.В. Этническая экономика в горных экосистемах. методические аспекты анализа традиционных систем социальных коммуникаций // В сб.: Актуальные направления сбалансированного развития горных территорий в контексте междисциплинарного подхода. Материалы I Междунар. науч. конф. 2019. С. 213–217.

24. Садовой А.Н. Традиционная система жизнеобеспечения гвичин бассейна р. Чандалар и региональная национальная политика США на Аляске // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2000. Вып.1. С. 78–99.

25. Garunova S.M., Chenciner R., Sadovoy A.N., Magomedhanov M.M., Bakanov A.V. Monetizing the mountains: towards the study of ethno-cultural and demographic aspects of the socio-economic development of the mountain Dagestan // История, археология и этнография Кавказа. 2019. т. 15. № 4. с. 751–768.

26. Сергеева Г.А. Арчинцы. М.: Наука, 1967. – 191 с.

27. Магомедханов М.М. Арчинцы // Народы Дагестана / Отв. ред. С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 282–288.

28. Магомедханов М.М. Образцы письменности арчинцев // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 1–47.

etnologii]. Kemerovo: LLC Praktika, 2014.

16. Rodzi NI., Zaki SA., Subli SM. Between Tourism and Intangible Cultural Heritage *Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 85: 411–420.

17. Karpova GA., Khoreva LV. Commodification of intangible cultural heritage in the system of cultural tourism services [Kommodifikatsiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v sisteme uslug kul'turnogo turizma] *Service in Russia and abroad. Theoretical aspects of economics and sociology*. 2016. Vol. 10. № 9 (70): 6–14.

18. Kurinskikh PA. Problems of folklorism in foreign historiography [Problemy fol'klorizma v zarubezhnoy istoriografii] *Scientific dialogue*. № 2 (50): 250–260.

19. Kurinskikh PA. Methodological approaches to the study of folklorism in foreign and domestic historiography [Metodologicheskiye podkhody v issledovanii fol'klorizma v zarubezhnoy i otechestvennoy istoriografii] *Tomsk State University Journal of History*. № 403: 79–81.

20. Shalagina GE. Feyklorizatsiya in ethnic tourism: risks and alternatives [Feyklorizatsiya v etnicheskom turizme: riski i al'ternativy] *Herald of the Dagestan State University. Social Sciences*. 2019. Vol. 34. Issue 3: 69–76.

21. Khalidov D. Culture and Mountain Economy of Dagestan: The Growth of Conflict Potential and the problem of the Adequacy of Public Policy *Proceedings of V International Congress of Caucasologists*. Tbilisi, 2019: 352–353.

22. Magomedkhanov MM., Ramazanova ZB. Transformation of land-use traditions in Nagorno-Dagestan: historical experience and socio-economic effect [Transformatsiya traditsiy zemlepol'zovaniya v Nagornom Dagestane: istoricheskiy opyt i sotsial'no-ekonomicheskiy effekt] *Regional problems of economic transformation*. 2016. № 12 (74): 56–62.

23. Sadovoy AN., Belozerova MV. Ethnic economics in mountain ecosystems. methodological aspects of the analysis of traditional systems of social communications [Etnicheskaya ekonomika v gornykh ekosistemakh. metodicheskiye aspekty analiza traditsionnykh sistem sotsial'nykh kommunikatsiy] *In the collection: Actual directions of the balanced development of mountain areas in the context of an interdis-*

ciplinary approach. Proceedings of the I International Scientific Conference. 2019: 213–217.

24. Sadovoy AN. The traditional life support system of the Gvitchin river basin of Chandalar and US Regional National Policy in Alaska [Traditsionnaya sistema zhizneobespecheniya gvitchin basseyna r. Chandalar i regional'naya natsional'naya politika SSHA na Alyaske] *Traditional Life Support Systems and Regional National Policy [Traditsionnyye sistemy zhizneobespecheniya i regional'naya natsional'naya politika]*. Novosibirsk: Publishing House of IAET SB RAS, 2000. Issue 1: 78–99.

25. Garunova SM., Chenciner R., Sadovoy AN., Magomedhanov MM., Bakanov AV. Monetizing the mountains: towards the study of ethno-cultural and demographic aspects of the socio-economic development of the mountain Dagestan [Monetizing the mountains: towards the study of ethno-cultural and demographic aspects of the socio-economic development of the mountain Dagestan] *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2019. Vol. 15. № 4: 751-768.*

26. Sergeeva GA. *Archins [Archintsy]*. Moscow: Nauka, 1967.

27. Magomedkhanov M.M. Archins [Archintsy] Peoples of Dagestan. Ed. SA. Arutyunov, AI. Osmanov, GA. Sergeeva. Moscow: Nauka, 2002: 282–288.

28. Magomedkhanov MM. Examples of Archins' writing [Obraztsy pis'mennosti archintsev] *Anthropological forum. 2009. № 11: 1–47.*

Статья поступила в редакцию 4.02.2020 г.